Социальное пространство и генезис «классов»

1984

Построение теории социального пространства предполагает серию разрывов с марксистской теорией. Первый разрыв — с тенденцией акцентировать субстанцию, то есть реальные группы, в попытке определить их по численности, членам, границам и тому подобным в ущерб отношениям, а также — с интеллектуалистской иллюзией, которая приводит к тому, что теоретический, сконструированный учёным класс рассматривается как реальный класс, реально действующая группа людей. Далее, разрыв с экономизмом, который приводит к редукции социального поля как многомерного пространства к одному лишь экономическому полю, к экономическим отношениям производства, тем самым устанавливая координаты социальной позиции. Наконец, следует порвать с объективизмом, идущим в паре с интеллектуализмом, ибо в конечном счёте он приводит к игнорированию символической борьбы, местом которой являются различные поля, а целью — сами представления о социальном мире и, в частности, об иерархии внутри каждого поля и между различными полями.

Социальное пространство

Прежде всего, социология представляет собой социальную топологию. Так, можно изобразить социальный мир в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств в рассматриваемом социальном универсуме, то есть свойств, способных придавать его владельцу силу и власть в этом универсуме. Агенты и группы агентов определяются, таким образом, по их относительным позициям в этом пространстве. Каждый из них размещён в позиции и в определённые классы близких друг другу позиций (то есть в определённой области данного пространства), и нельзя реально занимать две противоположные области в пространстве, даже если мысленно это возможно. В той мере, в какой свойства, выбранные для построения пространства, являются активными его свойствами, можно описать это пространство как поле сил, точнее как совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем входящим в это поле и несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным взаимодействиям. Действующие свойства, взятые за принцип построения социального пространства, являются различными видами власти или капиталов, которые имеют хождение в различных полях. Капитал, который может существовать в объективированном состоянии — в форме материального свойства или, как это бывает в случае культурного капитала, в его

инкорпорированном* состоянии, что может быть гарантировано юридически, — представляет собой власть над полем (в данный момент времени). Точнее, власть над продуктом, в котором аккумулирован прошлый труд (в частности, власть над совокупностью средств производства), а заодно над механизмами, стремящимися утвердить производство определённой категории благ и через это — власть над доходами и прибылью [1].

Отдельные виды капитала, как козыри в игре, являются властью, которая определяет шансы на выигрыш в данном поле (действительно, каждому полю или субполю соответствует особый вид капитала, имеющий хождение в данном поле как власть или как ставка в игре). Например, объём культурного капитала то же самое с соответствующими изменениями относится к экономическому капиталу) определяет совокупные шансы на получение выигрыша во всех играх, где задействован культурный капитал и где он участвует в определении позиции в социальном пространстве (в той мере, в какой эта позиция зависит от успеха в культурном поле). Таким образом, позиция данного агента в социальном пространстве может определяться по его позициям в различных полях, то есть в распределении власти, активированной в каждом отдельном поле. Это, главным образом, экономический капитал в его разных видах, культурный капитал и социальный капитал, а также символический капитал, обычно называемый престижем, репутацией, именем и тому подобное. Именно в этой форме все другие виды капиталов воспринимаются и признаются как легитимные.

Можно построить упрощённую модель социального поля в его ансамбле, вообразив для каждого агента его позицию во всех возможных пространствах игры (понимая при этом, что если каждое поле и имеет собственную логику и собственную иерархию, то иерархия, установленная между различными видами капитала, и статистическая связь между имеющимися капиталовложениями устроены так, что экономическое поле стремится навязать свою структуру другим полям). Социальное поле можно описать как такое многомерное пространство позиций, в котором любая существующая позиция может быть определена, исходя из многомерной системы координат, значения которых коррелируют с соответствующими различными переменными. Таким образом, агенты в них распределяются в первом измерении — по общему объёму капитала, которым они располагают, а во втором — по сочетаниям своих капиталов, то есть по относительному весу различных видов капитала в общей совокупности собственности [2]. Форма, которую совокупность распределения различных видов капитала (инкорпорированного или материализованного) принимает в каждый момент времени в каждом поле, будучи средством присвоения объективированного продукта аккумулированного социального труда, определяет состояние отношений силы между агентами. Агенты в этом случае определяются «объективно» по их позиции в этих отношениях, институционализованной в устойчивых, признанных социально или гарантированных юридически социальных статусах. Эта форма определяет наличную или потенциальную власть в различных полях и доступность специфических прибылей, которые она даёт [3]. Знание позиции, занимаемой агентами в данном пространстве, содержит в себе информацию о внутренне присущих им свойствах (условие) или об относительных их свойствах (позиция). Это особенно хорошо видно в случае лиц, занимающих промежуточные или средние позиции, которые, помимо средних или медианных значений своих свойств, обязаны некоторыми своими наиболее типичными характеристиками тому, что располагаются между двумя полюсами поля, в нейтральной

точке пространства и балансируют между двумя крайними позициями.

Классы на бумаге

На базе знания пространства позиций можно вычленить классы в логическом смысле этого слова: класс как совокупность агентов, занимающих сходную позицию, которые, будучи помещены в сходные условия и подчинены сходным обстоятельствам, имеют все шансы обладать сходными диспозициями и интересами и, следовательно, производить сходные практики и занимать сходные позиции. Этот класс на бумаге имеет теоретическое существование, такое же, как и у любой теории: будучи продуктом объяснительной классификации, совершенно сходной с той, что существует в зоологии или ботанике, он позволяет объяснить и предвидеть практики и свойства классифицируемых и, между прочим, поведение, ведущее к объединению в группу. Однако реально это не класс, это не настоящий класс в смысле группы, причём группы «мобилизованной», готовой к борьбе; со всей строгостью можно сказать, что это лишь возможный класс, поскольку он есть совокупность агентов, которые объективно будут оказывать меньше сопротивления в случае необходимости их «мобилизации», чем какая-либо другая совокупность агентов. Так, в противовес номиналистскому релятивизму, уничтожающему социальные различия, сводя их к чисто теоретическим артефактам, следует утверждать существование объективного пространства, детерминирующего соответствия и несоответствия, меры близости и дистанции. В противовес реализму интеллигибельного (или овеществления понятий) следует утверждать, что классы, которые можно вычленить в социальном пространстве (например, в связи с потребностями в статистическом анализе, являющемся единственным средством обнаружить структуру социального пространства), не существуют как реальные группы, несмотря на то, что они объясняют вероятность своей организации в практические группы, семьи, ассоциации и даже профсоюзные или политические «движения». Что существует, так это пространство отношений, которое столь же реально, как географическое пространство, перемещения внутри которого оплачиваются работой, усилиями и в особенности временем (идти снизу вверх — значит подниматься, карабкаться и нести на себе следы и отметины этих усилий). Дистанции здесь измеряются также временем (например, временем подъёма или преобразования — конверсии). И вероятность мобилизации в организованные движения, с их аппаратом, официальными представителями и тому подобным (что собственно и заставляет говорить о «классе») будет обратно пропорциональна удалённости в этом пространстве.

Хотя вероятность объединить агентов в совокупность, реально или номинально (посредством делегирования) тем больше, чем ближе они в социальном пространстве, чем более они принадлежат к классу, сконструированному более узко и, следовательно, более гомогенно, более тесное их сближение уже никогда не бывает необходимо, неизбежно (вследствие непосредственной конкуренции, служащей барьером), но и сближение наиболее удалённыхтоже не всегда бывает невозможным. Так, если более вероятно мобилизовать в одной реальной группе только рабочих, чем рабочих и их работодателей, то тем не менее, возможно, например, под угрозой международного кризиса спровоцировать их объединение на базе национальной идентификации (это так отчасти потому, что каждое социальное пространство национальностей в результате собственной истории имеет

собственную структуру, допустим, в виде специфических расхождений в иерархии экономического поля).

Как бытие у Аристотеля, социальный мир может быть назван и создан различным образом: он может быть практически ощущаем, назван и создан согласно различным принципам видения и деления (например, на основе этнического деления). При этом следует учитывать, что объединения, которые базируются на структуре пространства, основанного на распределении капитала, имеют больше возможностей стать стабильными и прочными, а другие формы группировки будут всегда в опасности распада и оппозиции, что связано с дистанцией в социальном пространстве. Когда мы говорим о социальном пространстве, то имеем в виду прежде всего то, что нельзя объединять любого с любым, невзирая на глубинные различия, в особенности на экономические и культурные различия. Однако всё это никогда полностью не исключает того, что можно организовать агентов по другим признакам деления: этническим, национальным и тому подобным, которые, заметим в скобках, всегда связаны с более глубинными принципами, так как этнические объединения сами находятся в иерархизированном, по меньшей мере в общих чертах, социальном пространстве (например, в США их положение зависит от стажа иммиграции для всех, за исключением чёрных) [4].

Итак, вот первый разрыв с марксистской традицией: марксизм либо без долгих разговоров отождествляет класс сконструированный и класс реальный, то есть логичные вещи и логику вещей, а ведь именно в этом Маркс сам упрекал Гегеля; либо же противопоставляет «класс-в-себе», определяемый на основе совокупности объективных условий, и «класс-для-себя», основанный на субъективных факторах, причём переход одного в другое марксизм постоянно «знаменует» как настоящее онтологическое восхождение в логике либо тотального детерминизма, либо — напротив — полного волюнтаризма. В первом случае переход оказывается логической, механической или органической необходимостью (превращение пролетариата из «класса-в-себе» в «класс-для-себя» представлено как исход, неизбежный во времени, по мере «созревания объективных условий»); в другом случае он представлен как эффект «осознания», полученный в результате «познания» теории, осуществляемого под просвещённым руководством партии. Во всяком случае, здесь ничего не говорится о таинственной алхимии, согласно которой «борющаяся группа», коллектив личностей, исторических деятелей, имеющих собственные цели, внезапно появляется в определённых экономических условиях. Посредством такого рода пропусков в рассуждениях избавляются от наиболее важных вопросов. С одной стороны, исчезает сам вопрос о политическом, об истинных действиях агентов, которые во имя теоретического определения «класса» предписывают его членам цели, официально наиболее соответствующие их «объективным» интересам, то есть интересам теоретическим, а также вопрос о работе, посредством которой им удаётся произвести если и не мобилизованный класс, то веру в его существование, лежащую в основе авторитета его официальных выразителей. С другой стороны, исчезает вопрос об отношениях между классификацией, произведённой учёным и претендующей на объективность по аналогии с зоологией), и классификацией, которую сами агенты производят беспрерывно в их будничном существовании, с помощью чего они стремятся изменить своё положение в объективной классификации или даже изменить сами принципы, согласно которым эта классификация осуществляется.

Восприятие социального мира и политическая борьба

Наиболее решительная объективистская теория должна интегрировать представления, имеющиеся у агентов о социальном мире, точнее, их вклад в построение видения социального мира и через это в самое построение социального мира, посредством работы представления во всех смыслах этого термина), которую они ведут непрерывно, чтобы навязать своё видение мира или видение своего собственного положения в этом мире, своей социальной идентичности. Восприятие социального мира есть продукт двойного социального структурирования. С «объективной» стороны, оно структурировано социально, поскольку свойства, сопряжённые с агентами или с институтами, предстают восприятию не каким-то независимым образом, но, напротив, в очень неравновероятных комбинациях (и так же, как у животного, имеющего перья, больше шансов обладать крыльями, чем у животного, имеющего мех, так и у владельцев большого культурного капитала больше шансов стать посетителями музеев, чем у тех, кто этого капитала лишён). А с «субъективной» стороны, восприятие социального мира структурировано в силу того, что схемы восприятия и оценивания приспосабливаются к рассматриваемому моменту, и всё то, что представлено, в частности, в языке, есть продукт предшествующей символической борьбы и выражает в более или менее видоизменённой форме состояние распределения символических сил. Тем не менее, объекты могут восприниматься и выражаться различным образом. Ибо как объекты природного мира, они всегда предполагают частичную неопределённость и расплывчатость, поскольку, например, наиболее устойчивые сочетания свойств никогда не базируются лишь на статистических связях между сущностными чертами; а как объекты истории, они подвержены изменениям во времени, и их значение, в меру его «подвешенности» в будущем, само нерешено, в ожидании, отсрочено и через это относительно недетерминировано. Эта сторона дела — неопределённость — есть то, что подводит базу под плюрализм видения мира. Она сама связана с множественностью точек зрения и со всеми символическими битвами за производство и навязывание легитимного видения социального мира. Говоря точнее, она связана со всеми когнитивными стратегиями восполнения, которые продуцируют смысл объектов социального мира, выходя за рамки непосредственно видимых атрибутов и отсылая к будущему или к прошлому.

Эти отсылки могут быть скрытыми и молчаливо подразумевающимися, через «протекцию» и «ретенцию», как это называет Гуссерль, то есть практическими формами перспективного или ретроспективного видения, исключающими как таковые позиции прошлого и будущего. Но такие отсылки могут быть и явными, как в случае политической борьбы, где к прошлому (ретроспективно реконструируемому сообразно потребностям настоящего) и в особенности к будущему (творчески предвидимому) беспрестанно взывают, чтобы детерминировать, разграничивать, определять всегда открытый смысл настоящего. Напомнить, что восприятие социального мира содержит конструктивный акт, отнюдь не значит принять интеллектуалистскую теорию познания. Главное в опыте социального мира и в работе по его конструированию то, что он предполагает обращение к практике ниже уровня эксплицитного представления и вербализованных выражений. Чувство положения,

занимаемого в социальном пространстве (то, что Гоффман называет «sense of one’s place»), будучи ближе к классовому бессознательному, чем к «сознанию класса» в марксистском смысле, есть практическая материя социальной структуры в целом, которая раскрывается через ощущение позиции, занятой в этой структуре. Категории перцепции социального мира являются в основном продуктом инкорпорации объективных структур социального пространства. Вследствие этого они склоняют агентов брать социальный мир, скорее, таким, каков он есть, принимать его как само собой разумеющейся, нежели восставать против него и противопоставлять ему различные — даже антагонистические — возможности. Чувство положения, как чувство того, что можно и чего нельзя «себе позволить», заключает в себе негласное принятие своего положения, чувство границ («это не для нас») или, что сводится к тому же, чувство дистанции, которую обозначают и держат, уважают или заставляют других уважать — причём, конечно, тем сильнее чем более суровы условия существования и чем более неукоснителен принцип реальности. (Поэтому глубокий реализм, которым чаще всего характеризуется видение социального мира у занимающих подчинённое положение, функционируя как некоего рода социально установленный инстинкт самосохранения, может казаться консервативным лишь относительно внешнего, а значит, нормативного представления об «объективном интересе» тех, кому этот реализм помогает жить или выживать.) [5].

Если объективные отношения сил стремятся воспроизвести себя в том видении социального мира, которое постоянно включено в эти отношения, то, значит, принципы, структурирующие это видение мира, коренятся в объективных структурах социального мира, а отношения силы также представлены в сознании в форме категорий восприятия этих отношений. Но частичная недетерминированность и размытость, предполагаемая объектами социального мира, вкупе с практическим, дорефлексивным и имплицитным характером схем восприятия и оценивания, применяемых к этим объектам, есть та архимедова точка опоры, которая объективно оказывается в распоряжении для действий чисто политического характера. Познание социального мира, точнее, категории, которые делают его возможным, суть главная задача политической борьбы, борьбы столь же теоретической, сколь и практической, за возможность сохранить или трансформировать социальный мир, сохраняя или трансформируя категории восприятия этого мира.

Способность осуществить в явном виде, опубликовать, сделать публичным, так сказать, объективированным, видимым, должным, то есть официальным, то, что должно было иметь доступ к объективному или коллективному существованию, но оставалось в состоянии индивидуального или серийного опыта, затруднения, раздражения, ожидания, беспокойства, представляет собой чудовищную социальную власть — власть образовывать группы, формируя здравый смысл, явно выраженный консенсус для любой группы. Действительно, эта работа по выработке категорий — экспликации и классификации — ведётся беспрерывно, в каждый момент обыденного существования, вследствие той борьбы, которая сталкивает агентов, имеющих различные ощущения социального мира и позиции в этом мире, различную социальную идентичность, при помощи всевозможного рода формул: хороших или плохих заявлений, благословений или проклятий, злословий или похвал, поздравлений, славословий, комплиментов или оскорблений, упрёков, критики, обвинений, клеветы и тому подобное. Неслучайно kategoresthai, от которого происходят категории и категоремы, означает «обвинить публично».

Понятно, что одна из простейших форм политической власти заключалась во многих архаических обществах в почти магической власти: называть и вызывать к существованию при помощи номинации. Так, в Кабилии функции разъяснения и работа по производству символического, особенно в ситуации кризиса, когда ощущение мира ускользает, приносили поэтам видные политические посты военачальников или послов [6]. Но вместе с ростом дифференциации социального мира и становлением относительно автономных полей, работа по производству и внушению смыслов осуществляется в поле производства культуры и посредством борьбы внутри него (в особенности — в недрах политического субполя). Она является собственным делом и специфическим интересом профессиональных производителей объективированных представлений о социальном мире, а точнее, методов этой объективации.

Стиль легитимной перцепции является основной целью борьбы, поскольку, с одной стороны, переход от скрытого к явному, от имплицитного к эксплицитному не совершается автоматически: один и тот же социальный опыт может быть признан в его очень различных выражениях; а с другой стороны — наиболее значительные объективные различия могут быть замаскированы более непосредственно видимыми различиями (как, например, этнические различия). Если верно, что перцептивные конфигурации — социальные гештальты — действительно существуют, а близость условий и, следовательно, диспозиций, стремится отлиться в прочные связи и перегруппировки, в непосредственно воспринимаемые социальные единицы, такие как социально различные районы или кварталы (с пространственной сегрегацией), или в такие как общность агентов, обладающих полностью сходными видимыми особенностями — Stande, — то тем не менее, социально познанные и признанные различия существуют лишь для субъекта, способного не только ощущать различия, но и признавать их как значимые, задевающие его интересы, то есть для такого субъекта, который наделён способностью и склонностью делать различия, считающиеся значимыми в рассматриваемом социальном универсуме.

Таким образом, именно посредством свойств и их распределения социальный мир приходит, в самой своей объективности, к статусу символической системы, которая организуется по типу системы феноменов в соответствии с логикой различения отдельных расхождений, а также заключающейся и в значимых различениях. Социальное пространство и различия, которые проявляются в нём «спонтанно», стремятся функционировать символически как пространство стилей жизни или как множество Stande, групп, характеризующихся различным стилем жизни. Различения необязательно включают в себя стремление к различению, как часто считают вслед за Вебленом с его теорией conspicuous consumption. Всякое потребление (а в более общем виде, всякая практика), осуществлялось оно или нет в целях быть увиденным, является видимым, бросающимся в глаза (conspicuous); было оно или не было инспирировано намерением быть замеченным, обособиться (to make oneself conspicuous’), дистанцироваться или действовать, соблюдая дистанцию, оно является различительным. На этом основании потребление обречено функционировать как различительный знак и, если обратиться к признанной, легитимной и подтверждённой дифференциации, — как знак отличия (в разных смыслах этого слова). Как бы то ни было, социальные агенты, способные воспринимать в качестве значимых «спонтанные» разлиния, которые категории перцепции заставляют считать уместными, способны также преднамеренно удваивать эти спонтанные различия в стиле жизни при помощи того, что

Вебер называет «стилизацией жизни» (Stilisierung des Lebens). Стремление к различению, которое можно заметить по манере говорить или по отказу от мезальянса, производит деления, предназначенные, чтобы их воспринимали, или, более того, чтобы их узнавали и признавали как легитимные различия, то есть чаще всего как природные различия — «distinctions de nature» во французском языке говорят обычно о естественных различиях — «distinctions naturelles»).

Различение — в обычном смысле этого термина — это различие, вписанное в структуру самого социального пространства, поскольку оно воспринимается в соответствии с категориями, согласованными с этой структурой; и веберовский Stand, который любят противопоставлять классу в марксизме, — это класс, сконструированный посредством адекватного деления социального пространства, когда класс воспринимают сообразно с категориями, производными от структуры этого пространства. Символический капитал — другое имя различения. Оно является не чем иным, как капиталом в том его виде, в каком его воспринимают агенты, наделённые категориями перцепции, происходящими от усвоения структуры его распределения, то есть когда этот капитал узнается и признается как нечто само собой разумеющееся. Различения как символические трансфигурации фактических различий и, более широко — ранги, порядки, градации или же любые другие символические иерархии — являются продуктом применения схем построения. Эти схемы (как, например, пары прилагательных, используемых для выражения подавляющего большинства социальных суждений) являются продуктом инкорпорации структур, к которым они прикладываются, а признание их абсолютной легитимности есть не что иное, как восприятие обычного миропорядка в качестве идущего самого по себе, что подводит итог кажущемуся безукоризненным совпадению объективных и инкорпорированных структур. Из этого следует, кроме всего прочего, что символический капитал идёт к символическому капиталу, и что реальная автономия поля символического производства не препятствует тому, что оно остаётся подчинённым в своём функционировании принуждению, которое господствует в социальном мире, и что соотношение объективных сил стремится воспроизвести себя в соотношении символических сил, в видении социального мира. Таким образом утверждается неизменность этих соотношений сил. В борьбе за навязывание легитимного видения социального мира, в которую неизбежно вовлечена и наука, агенты располагают властью, пропорциональной их символическому капиталу, то есть получаемому ими от группы признанию. Авторитет, подводящий базу под силу действия недостаточно обоснованного дискурса о социальном мире, есть символическая сила видения и предвидения, направленная на внушение принципов видения и разделения этого мира, это — percipi, бытие узнанное и признанное (nobilis), что позволяет навязать percipere. Наиболее очевидными среди применяемых категорий перцепции являются те, что наилучшим образом приспособлены, чтобы изменять видение, меняя категории перцепции. Но также, за редким исключением, наименее склонные это делать.

Символический порядок и власть номинации

В символической борьбе за производство здравого смысла или, точнее, за монополию легитимной номинации как официального — эксплицитного и публичного — благословения легитимного видения социального мира агенты используют символический капитал, приобретённый ими в предшествующей борьбе, и, собственно, любую власть, которой они располагают в установленной таксономии, представленной в сознании или в объективной действительности как названия (les titres) Так, все символические стратегии, посредством которых агенты намереваются учредить свой взгляд на деление социального мира и своё положение в нём, можно расположить между двумя крайними точками: оскорбление, idios logos, когда простое частное лицо стремится внушить свою точку зрения, рискуя получить аналогичный ответ, и официальная номинация — акт символического внушения, который имеет для этого всю силу коллективного, силу консенсуса, здравого смысла, поскольку совершается через доверенное лицо государства, обладателя монополии на легитимное символическое насилие. С одной стороны — универсум частных перспектив, единичных агентов, которые, исходя из своей личной точки зрения, производят частные и корыстные номинации самих себя и других (прозвища, клички, оскорбления или же, по крайней мере, обвинения, упрёки и тому подобное). Они тем более заинтересованы в том, чтобы сделать эти номинации признанными, то есть получить чисто символический результат, чем менее их авторы уполномочены персонально (auctoritas) и институционально (делегирование), и чем более непосредственно они заинтересованы в том, чтобы сделать признанной ту точку зрения, которую они стараются внушить [7]. С другой стороны — разрешённая точка зрения агента, уполномоченного на персональном уровне, например великого критика, престижного автора предисловий к книгам или признанного автора («Я обвиняю»), и в особенности легитимная точка зрения официального проповедника, уполномоченного лица государства, «ортогонального в любой перспективе», говоря словами Лейбница.

Официальная номинация или звание, например ранг диплома, имеет ценность на любом рынке, поскольку официальное определение официальной идентичности вырывает своих обладателей из символической борьбы всех со всеми, наделяя своих агентов разрешённой, признанной всеми, универсальной перспективой. Государство, которое производит официальную классификацию, есть своего рода Верховный суд, к которому адресуется Кафка, когда заставляет Блока говорить об адвокате и его претензии ставить себя в ряд «крупных адвокатов»: «Конечно, каждый может называть себя «крупным», если ему это заблагорассудится, но в данном случае судебная терминология установлена твёрдо» [8]. Правда в том, что научный анализ не выбирает между перспективизмом и тем, что следует называть скорее абсолютизмом: в действительности правда социального мира — это суть борьбы между очень неравно вооружёнными агентами за то, чтобы добраться до совершенного, то есть самоконтролируемого, видения и предвидения.

Можно в этой перспективе проанализировать функционирование одного из институтов: Национального института статистических исследований и экономики (INSEE). Это государственный институт, который производит официальные таксономии, получающие, особенно в отношениях между нанимателями и наёмными работниками, практически юридическую ценность, значение правового акта, способного сообщить независимые права фактически осуществляемой производственной деятельности. Он пытается зафиксировать иерархию и с помощью этого санкционировать и закрепить соотношение сил между агентами через названия их профессий и занятий, составляющих главное в социальной

идентификации. Управление названиями, будучи одним из инструментов управления материальными приоритетами и групповыми именами, в частности названиями профессиональных групп, регистрирует состояние борьбы и торгов по поводу официального обозначения, а также материальных и символических преимуществ, связанных с ним. Название профессии, которым наделены агенты, данное им звание являются положительным или отрицательным подкреплением на том же основании, что и зарплата), поскольку отличительный знак (эмблема или клеймо), получая ценность своей позиции только в иерархически организованной системе званий, участвует тем самым в определении соотношения позиций между агентами и группами. В итоге агенты прибегают к практической или символической стратегии с целью максимизировать символическую прибыль от номинации: например, они могут отказываться от гарантированных для определённого поста денежных пособий, чтобы занять позицию менее оплачиваемую, но с более престижным названием, или обратиться к позиции, название которой более расплывчато, чтобы избежать тем самым эффекта символической девальвации. Так, определяя свою профессиональную идентичность, они могут назваться именем, которое охватывает более широкий класс, чтобы включить в него также агентов, занимающих более высокие позиции, допустим, учитель представляется преподавателем. В более общем виде агенты всегда имеют выбор между несколькими названиями и могут играть на неизвестности и неопределённости, связанных с множественностью перспектив, чтобы постараться избежать приговора официальной таксономии.

Логика официальной номинации видна как никогда хорошо на примере звания — дворянского, учёного, профессионального, то есть символического капитала, гарантированного юридически [9]. Дворянин (le noble) — это не просто тот, кто известен, знаменит, и даже известен с хорошей, престижной стороны, короче — nobilis, но тот, кто признан официальными, «универсальными» инстанциями, то есть узнаваем и признаваем всеми. Профессиональное или учёное звание — это определённого рода юридическое правило социальной перцепции, воспринимаемое бытие, гарантированное как право. Это институционализированный и законный (а не просто легитимный) символический капитал, всё более и более неотделимый от учёного звания, поскольку система образования стремится всё более и более предоставлять дальнейшие и верные гарантии для всех профессиональных званий. Символический капитал обладает также самоценностью и, хотя речь идёт об общем имени, функционирует по типу великих имён (имён великих семей или имён собственных), получая всю возможную символическую прибыль (и блага, которые не продаются за деньги) [10].

Именно символическая дефицитность звания в пространстве имён профессий, а не соотношение между спросом и предложением на некоторые виды труда, стремится доминировать над профессиональным вознаграждением. Из этого следует, что вознаграждение за звание имеет тенденцию автономизироваться по отношению к вознаграждению за труд. Так, за один и тот же труд можно получить разное вознаграждение в зависимости от того, кто его выполнил (штатный сотрудник/временно исполняющий обязанности, штатный сотрудник/функционер и тому подобное). Звание само по себе (как и язык) — институция более прочная, чем внутренние характеристики труда. Вознаграждение за звание может сохраняться, несмотря на изменения в труде и его относительной ценности: не относительная ценность труда определяет ценность имени, но

институционализированная ценность звания служит средством, позволяющим защитить и сохранить ценность труда [11].

Иными словами, нельзя заниматься наукой классификации, не занимаясь наукой борьбы классификаций и не учитывая в этой борьбе за власть знания, за власть посредством знания, за монополию легитимного символического насилия позицию каждого агента или группы агентов, вовлечённых в эту борьбу, будь то отдельный индивид, обречённый на риск в ежедневной символической борьбе, или профессионалы — лица уполномоченные (и на постоянной работе). Среди последних находятся те, кто говорят или пишут о социальных классах и различает их в зависимости от собственной классификации, связанной в большей или меньшей степени с государством, и те, кто являются обладателями монополии на официальную номинацию, на «правильную» классификацию, на «правильный» порядок.

Структура социального пространства определяется в каждый момент структурой распределения капитала и прибыли, специфических для каждого отдельного поля, но тем не менее, в каждом из этих пространств игры определение цели и ставок может само быть поставлено на карту. Каждое поле является местом более или менее декларированной борьбы за определение легитимных принципов деления поля. Вопрос о легитимности возникает из самой возможности спрашивать, ставить под вопрос, из разрыва с досксой, которая воспринимает обычный порядок как сам собой разумеющийся. (Докса — совокупность выражений обыденного мнения, укоренившихся преданий и представлений, — того, что принимается на веру, без обсуждения и обдумывания, как само собой разумеющееся. Докса связана со здравым смыслом. — Прим. пер.) Исходя из этого, символические силы участников борьбы никогда не бывают полностью независимы от их позиции в игре, даже если чисто символическая власть включает силы, сравнительно автономные по отношению к другим формам социальных сил. Давление необходимости, вписанной в саму структуру различных полей, вынуждает также к символической борьбе, направленной на сохранение или трансформацию этой структуры. Социальный мир в значительной мере есть то, что делают в каждый момент его агенты; но разрушить и переделать сделанное можно лишь на основе реального знания о том, что собой представляет социальный мир и какое влияние агенты оказывают на него в зависимости от занимаемой ими позиции. Короче говоря, научная работа имеет целью установление адекватного знания и о пространстве объективных связей между различными позициями, определяющими поле, и о необходимых связях, установленных через опосредование габитуса тех, кто занимает позиции в данном поле; так сказать, о связях между этими позициями и соответствующим видением позиции, то есть между точками, занятыми в данном пространстве, и точками зрения на это же пространство, участвующими в действительности и в становлении этого пространства (Совокупность диспозиций действия, мышления, оценивания и ощущения определённым качественным образом составляет габитус от habere — иметь — лат.). Габитус — характерное множество черт, которые приобретает индивид, диспозиции, которыми он располагает, или иначе говоря — свойства, результирующие присвоение некоторых знаний, некоторого опыта. — Прим. пер.) Другими словами, выход за объективные границы построенных классов, то есть за границы областей установленного пространства позиций, позволяет понять принцип и действие стратегий распределения по классам, посредством которых агенты сохраняют или изменяют это пространство. На первом месте среди них — построение групп, организованных с целью

защитить интересы их членов.

Анализ борьбы за классификации проливает свет на политическое притязание, неотступно следующее за гносеологическим притязанием производить хорошую классификацию: притязание, которое, собственно, и определяет rex’z (царя, правителя — лат.), что, согласно Бенвенисту, составляет органическую часть regere fines и regere sacra (буквально: правление границами, установление границ, разграничений и правление священным, установление священного; иными словами — светское и священное установление — лат.), вербального проведения границ между группами, но также между священным и светским, между добрым и злым, низким и возвышенным. Рискуя превратить социальную науку в способ продолжать политику другими средствами, учёный должен сделать объектом своих исследований намерение определять других по классам и тем самым объявлять им, кем они являются и кем могут быть (со всей двойственностью такого предвидения); он должен анализировать (чтобы добровольно отказываться от них) притязания на творческое видение мира, тот сорт intuitus originarius (изначальной интуиции — лат.), который порождает вещи сообразно своему видению (здесь вся двойственность марксистского класса, в котором неотделимы бытие и долженствование). Учёный должен объективировать своё намерение объективировать, давать извне объективную оценку агентам, которые борются за то, чтобы классифицировать и самоклассифицироваться. Если ему приходится классифицировать, производя — в силу необходимости делать статистический анализ — разбиение сплошного пространства социальных позиций, то только для того, чтобы быть в состоянии объективировать все формы объективации, от частного оскорбления до официального наименования, не забывая о требованиях судить эту борьбу именем «аксиологического нейтралитета», характеризующего науку в позитивистском и бюрократическом её определении. Символическая власть агентов как власть показывать — theorem — и убеждать, производить и вводить классификацию, легитимную или легальную, зависит на деле, как нам напоминает пример гех’я, от позиции, занимаемой в пространстве (и от классификаций, которые туда потенциально вписаны). Но объективировать объективацию значит, прежде всего, объективировать поле производства объективных представлений о социальном мире и, в частности, законодательную таксономию, короче, объективировать поле производства культуры или идеологии — игры, которой учёный сам захвачен, как и все, кто обсуждает социальные классы.

Политическое поле и эффект гомологии

Итак, следует ориентироваться именно на это поле символической борьбы, где профессионалы представления во всех смыслах этого слова) противостоят друг другу по поводу какого-то иного поля символической борьбы, если мы намерены, ничем не жертвуя мифологии осознавания, понять переход от практического ощущения занимаемой позиции, которое само по себе может служить различным объяснениям, к чисто политическим демонстрациям. Агенты, стоящие в подчинённой позиции в социальном пространстве, занимают её также и в поле производства символической продукции, поэтому не ясно,

откуда они могли бы получить средства символического производства, необходимые для выражения их личной точки зрения на социальное, если бы собственная логика поля культурного производства и специфические интересы, которые в нём присутствуют, не имели бы своим следствием склонить фракцию профессионалов, вовлечённых в это поле, предоставить подчинённым агентам, на основе общности их позиции, инструменты разрыва с представлениями, рождающимися из непосредственной сложности социальных и ментальных структур, которые стремятся утвердить постоянное воспроизводство распределения символического капитала. Феномен, который марксистская традиция определяет как «внешнее сознание», то есть тот вклад, который некие интеллектуалы вносят в производство и распространение — в особенности среди агентов, имеющих подчинённую позицию, — видения социального мира, отличного от доминирующего, может пониматься социологически лишь тогда, когда учитывают гомологию между подчинённой позицией производителей культурных благ в поле властных отношений (или в разделении труда по господству) и позицией в социальном пространстве агентов, наиболее полно владеющих средствами экономического и культурного производства. Однако построение модели социального мира, которую утверждает такой анализ, подразумевает резкий разрыв с одномерным и прямолинейным представлением о социальном мире, выражающемся в дуалистском видении, согласно которому универсум оппозиций, составляющих социальную структуру, будет редуцироваться к оппозиции между собственниками средств производства и продавцами рабочей силы.

Недостаточность марксистской теории классов, и в особенности её неспособность учитывать множество объективно регистрируемых различий, является результатом сведения социального мира к одному лишь экономическому полю, которым марксистская теория приговорила себя к определению социального положения по одному лишь положению в экономических отношениях производства, и игнорирования позиций, занимаемых в различных полях и субполях, в частности, в отношениях культурного производства, так же, как и во всех оппозициях, структурирующих социальное поле и несводимых к оппозиции между собственниками и несобственниками средств экономического производства. Таким образом, эта теория привязана к одномерному социальному миру, организованному просто вокруг противоречия между двумя блоками (одним из ведущих становится вопрос о границах между этими двумя блоками со всеми вытекающими из этого побочными, бесконечно обсуждающимися вопросами о рабочей аристократии, об «обуржуазивании» рабочего класса и тому подобным). В реальности социальное пространство есть многомерный, открытый ансамбль относительно автономных полей, чьё функционирование и изменение подчинено в большей или меньшей степени устойчиво и непосредственно полю экономического производства. Внутри каждого поля те, кто занимает доминирующую позицию, и те, кто занимает подчинённую позицию, беспрестанно вовлечены в различного рода борьбу (но без необходимости организовывать столько же антагонистических групп).

Однако тот факт, что на базе гомологии позиций внутри различных полей (и того, что в них есть инвариантного, стало быть — общего, в отношении между доминирующими и подчинёнными) могут устанавливаться более или менее устойчивые союзы, основывающиеся всегда на более или менее сознательном йедоразумении, является самым важным, если мы хотим разорвать круг символического воспроизводства. Структурное

подобие позиций интеллектуалов и рабочих, занятых в производстве, когда первые занимают в поле власти позиции, гомологичные тем, которые занимают рабочие по отношению к позициям хозяев предприятий в ансамбле социального пространства, лежит в основе двусмысленного союза: производители культуры (подчинённые среди доминирующих) предлагают — ценой растраты накопленного ими культурного капитала — агентам, занимающим подчинённые позиции, возможность объективно представлять их мировоззрение и их собственные интересы в объяснительной теории и в институционализированных инструментах представлений — профсоюзных организациях, партиях, социальных технологиях мобилизации и манифестации и тому подобное [12].

Нужно, однако, остерегаться трактовать гомологию позиций — сходство в различии — как идентичность условий (так было, например, в идеологии «трёх P» — «patron, pere, professeur», то есть хозяин, отец, преподаватель, — развитой в левом движении 1968 года). Без сомнения, одна и та же структура, понимаемая как инвариант различных форм распределения, встречается в различных олях, что объясняет плодотворность мышления по аналогии в социологии, однако как минимум принцип дифференциации каждый раз разный, так же как суть и природа прибыли, то есть экономика практики. Важно установить верный порядок принципов иерархии, то есть разных видов капитала. Знание иерархии принципов деления позволяет определить ограничения, в которых действуют соподчинённые принципы, и заодно — ограничения подобий, связанных с гомологией.

Отношения других полей к полю экономического производства являются одновременно отношениями структурного подобия и отношениями каузальной зависимости: сила каузальных детерминаций, определённая структурными связями и силой доминирования, тем больше, чем отношения, в которых они выражаются, ближе к отношениям экономического производства. Следует проанализировать специфические интересы, которые уполномоченные лица должны иметь, занимая данную позицию в политическом поле и в субполе партии или профсоюза, и показать все «теоретические» следствия, которые они определяют. Большое число учёных дискуссий вокруг «социальных классов» (например, о проблемах «рабочей аристократии» или о «кадровых специалистах») лишь бесконечно пересматривают практические вопросы, которыми должны заниматься политические власти. Всегда лицом к требованиям практики (часто противоречивым), порождающим логику борьбы внутри политического поля в силу необходимости доказывать свою значительность или рождающим стремление мобилизовать наибольшее число голосов или мандатов, утверждая несводимость своей программы к программам других претендентов, — эти дискуссии обречены ставить проблемы социального мира в типично субстантивистской логике границ между группами и возможным объёмом мобилизуемых групп. Они могут стараться разрешить проблемы, которые считают относящимися ко всем социальным группам, стремиться проявить и добиться признания их силы, то есть их существования, приоегнув к концептам с изменяемой геометрией, как, например, «рабочий класс», «народ» или «трудящиеся».

Однако можно видеть, что действие специфических интересов, связанных с занятой в поле позицией и с конкуренцией за навязывание своего видения социального мира, склоняет теоретиков и профессиональных официальных выразителей интересов (тех, кого на обыденном языке называют «освобождёнными работниками») к производству

дифференцированного, специализированного продукта, который, исходя из гомологии между полем профессиональных производителей и полем потребителей мнения, является как бы автоматически подогнанным к различным формам спроса, а этот последний определяется — в данном случае как никогда более — спросом на различия, противопоставления, которые к тому же способствуют производству, позволяя ему находить соответствующее выражение. Демонстрация позиции, так сказать, предложение политического продукта, определяется именно структурой политического поля, иначе говоря, объективной связью между агентами, находящимися в разных позициях, и предлагающимися представлениями конкурирующих позиций (что имеет столь же непосредственное отношение к мандатам). Исходя из того, что интересы, непосредственно вовлечённые в борьбу за монополию легитимного выражения правды о социальном мире, стремятся быть специфическим эквивалентом интересов тех, кто занимает гомологичные позиции в социальном поле, — политические выступления подпадают под некую структурную двойственность: с внешней стороны они непосредственно связаны с мандатами, а в действительности направлены на конкурентов в поле.

Определение политической позиции в данный момент времени (например, результаты выборов) является также продуктом встречи политического предложения объективированного политического мнения (программы, партийные платформы, заявления и так далее), связанного со всей предшествующей историей поля производства, и политического спроса, связанного, в свою очередь, с историей отношения между спросом и предложением. Корреляция, фиксируемая в конкретный момент между взглядами на ту или иную политическую проблему и позициями в пространстве, может быть полностью понята лишь тогда, когда мы замечаем, что классификация, введённая избирателями для определения их собственного выбора (например, правый/левый), является продуктом всей предшествующей борьбы и что выбор тем не менее, сам вытекает из классификации, введённой аналитиком, чтобы ранжировать не только мнения, но и агентов, которые их выражают.

Вся история социального поля постоянно представлена в двух формах: в материализованной — в институтах (освобождённые работники партий и профсоюзов) и в инкорпорированной — в диспозициях агентов, усилиями которых функционируют данные институты и за которые эти агенты борются (что сопровождается эффектом гистеризиса, связанного с преданностью). Все признанные формы коллективной идентификации: «рабочий класс», «управленческие кадры», «ремесленники», «специалисты», «профессура» и тому подобные — являются продуктами медленной и длительной коллективной проработки, однако не являются полностью искусственными (это было бы ошибкой и никогда бы не удалось сделать) [13]. Каждый из корпусов представлений, которые вызывают к жизни представляемые корпуса: корпорации, сословия, гильдии и другое, наделённые известной и признанной социальной идентичностью, сам существует через посредство всего ансамбля институтов, являющихся столь же историческими изобретениями, как и аббревиатура, sigillum authenticum (подлинная печать — лат.), по выражению юристов канонического права, печать или штамп, бюро или секретариат, обладающий монополией на подпись и на plena potentia agendi et loquendi (совершенное полномочие действовать и говорить — лат.) и так далее. Являясь результатом борьбы, которая разворачивалась в недрах политического поля и вне его, в частности по вопросу о

государственной власти, это представление должно иметь свои специфические характеристики в частной истории политического поля и в истории конкретного государства (чем, между прочим, и объясняются различия между представлениями о социальном делении и, следовательно, о представляющих их группах в разных странах). Чтобы не позволить себе принять за следствие работы по натурализации то, что любая группа стремится производить в целях собственной легитимации и для оправдания своего существования, нужно всякий раз реконструировать работу истории, продуктом которой являются социальное деление и социальное восприятие этого деления. Адекватно определённая социальная позиция агента даёт наилучшее предвидение его практики и представлений, но во избежание сопоставления с тем, что раньше называли общественным положением, с социальной идентификацией агента (в настоящее время всё более отождествляемой с профессиональной идентификацией) и с местом общественного положения в старой метафизике, то есть функцией сущности, из которой согласно формуле operatic sequitur esse (сначала бытие, затем — действие — лат.) вытекают все аспекты исторического существования, — нужно ясно понимать, что этот статус, как и габитус, который им порождается, являются историческими продуктами, что они склонны в большей или меньшей степени меняться с течением истории.

Класс как представление и воля

Чтобы изучить, как создаётся и учреждается власть создавать и учреждать, власть, имеющая официального представителя, например руководителя партии или профсоюза, недостаточно учитывать специфические интересы теоретиков или представителей и структурное сходство, которое их объединяет на основе полномочий, необходимо также анализировать логику, обыкновенно воспринимаемую и описываемую как процесс делегирования, в котором уполномоченное лицо получает от группы власть образовывать группу. Здесь можно следовать, преобразовывая их анализ, историкам права (Канторoиальное пространство и генезис «классов»), когда они описывают мистерию миниЧерства — любезную юристам канонического права игру слов mysteriurrf (таинство — лат.) и ministerium (служение — лат.). Тайна процесса пресуществления, которая совершается через превращение официального представителя в группу, чьё мнение он выражает, не может быть разгадана иначе, как в историческом анализе генезиса и функционирования представления, при помощи которого представитель образует группу, которая произвела его самого. Официальный представитель, обладающий полной властью говорить и действовать во имя группы, и, вначале, властью над группой с помощью магии слова приказа, замещает группу, существующую только через эту доверенность. Персонифицируя одно условное лицо, социальный вымысел, официальный представитель выхватывает тех, кого он намерен представлять как изолированных индивидов, позволяя им действовать и говорить через его посредство, как один человек. Взамен он получает право рассматривать себя в качестве группы, говорить и действовать, как целая группа в одном человеке: «Status est magistrate» (гражданское состояние есть государственная должность — лат.), «Государство — это я», «Профсоюз думает, что…» и тому подобное. Тайна Министерства есть как раз такой случай социальной магии, когда вещь или персона становятся вещью отличной от того, чем они являются. Человек (министр, епископ, делегат,

депутат, Генеральный секретарь и так далее) имеет возможность идентифицировать себя в собственных глазах и в глазах других с совокупностью людей, Народом, Трудящимися и тому подобным, или с социальной целостностью, Нацией, Государством, церковью, Партией. Мистерия Министерства находится в своём апогее, когда группа не может существовать иначе, как через делегирование своему официальному представителю, который порождает эту группу, говоря для неё, то есть для её блага и от её лица. Круг замыкается: группа определена через того, кто говорит от её имени, возникшего как источник власти, осуществляемой им над теми, кто является её истинным источником. Это замкнутое отношение есть начало харизматических иллюзий, которые в крайнем их выражении проявляются в том, что официальный выразитель может выглядеть и показывать себя как causa sui.

Политическое отчуждение находит своё начало в том факте, что изолированные агенты — тем сильнее, чем более они обделены символически — могут конституироваться как группа, то есть как сила, способная заставить воспринимать себя в политическом поле, только лишаясь прибыли в интересах аппарата: им приходится постоянно рисковать лишением политической собственности, чтобы избежать истинной политической экспроприации. Фетишизм, согласно Марксу, есть то, что случается, когда «продукты человеческой головы выглядят как дар самой жизни»; политический фетишизм заключается более точно в факте, что ценность целостного персонажа, этого продукта человеческой головы, проявляется как неуловимая харизма, загадочное объективное свойство индивида, неуловимый шарм, невыразимое таинство. Министр или пастор, посланник церкви или посланник государства, состоят в метонимическом отношении с группой; являясь лишь частью группы, посланник действует как знак, замещающий целую группу. Это он в качестве совершенно реального заместителя полностью символического существования содействует «ошибке категории», как сказал бы Риль, достаточно похожей на детскую ошибку, когда, увидев проходящих в строю солдат, составляющих полк, спрашивают, где же полк. Одно лишь его явное существование преобразует безупречное серийное разнообразие изолированных индивидов в одно юридическое лицо, collectio personarum plurium в corporatio (собрание многих лиц [в] корпорацию — лат.), в конституированный корпус, который в результате мобилизации и манифестации даже может проявить себя как социальный агент.

Политика является исключительно благодатным местом для эффективной символической деятельности, пониманмой как действия, осуществляемые с помощью знаков, способных производить социальные результаты и, в частности, группы. Благодаря наиболее старому метафизическому действию, связанному с существованием символизма позволяющего считать существующим всё, что может быть обозначено (Бог или небытие), политическое представление постоянно производит и воспроизводит форму производную от любимого логиками аргумента короля Франции Людовика Лысого: любое предикативное выражение, имеющее субъектом «рабочий класс», скрывает экзистенциальное выражение («рабочий класс существует»). В более общем виде все выражения, имеющие субъектом коллективность, например Народ, Класс, Университет, Школа, Государство, предполагают решённым вопрос о существовании указанных групп и содержат в себе тот сорт «ложного метафизического стиля», который мы могли обнаружить в онтологическом аргументе. Официальный выразитель — это тот, кто, говоря о группе, о месте группы, скрыто ставит вопрос о существовании группы, кто учреждает эту группу при помощи магической

операции, свойственной любому акту номинации. Поэтому если задаться вопросом, с которого должна начинаться вся социология, а именно вопросом о существовании и о способе существования коллективности, то следует приступить к критике политических аргументов, которым присущи языковые злоупотребления, а на деле — злоупотребления властью.

Класс существует в той и лишь в той мере, в которой уполномоченное лицо, наделённое plena potentia agendi, может быть и ощущать себя облечённым властью говорить от своего имени — в соответствии с уравнением: «Партия есть рабочий класс», а «Рабочий класс есть партия»; или в случае юристов канонического права: «Церковь есть Папа (или епископы)», а «Папа (или епископы) есть церковь». Такое лицо может осуществить эту формулу как реальную силу в недрах политического поля. Способ существования того, что сейчас во многих обществах называют рабочим классом (естественно, с некоторыми вариациями), полностью парадоксален: речь идёт о некоторым образом мысленном существовании, о существовании его в мыслях большой части тех, кого таксономия обозначает «рабочие», но также и в мыслях тех, кто занимает в социальном пространстве позиции более удалённые от рабочих. Само это существование почти повсеместно признано покоящимся на существовании рабочего класса в представлении. Политический и профсоюзный аппарат и их освобождённые работники жизненно заинтересованы в вере в существование рабочего класса и в том, чтобы убедить в этом как тех, кто к нему непосредственно принадлежит, так и тех, кто ничего общего с ним не имеет. Они способны заставить говорить «рабочий класс» в один голос одним заклинанием, как заклинают духов, одним призыванием его, как призывают богов или святых, и даже символически выставляя его напоказ через демонстрации — своего рода театральную постановку представления о классе в представлениях.

В этой «постановке», с одной стороны, участвует корпус постоянных представителей со всей постановочной символикой его существования, с аббревиатурами, эмблемами, знаками отличия, а с другой стороны — часть наиболее убеждённо верующих, которые самим своим существованием позволяют представителям создать представление об их представительности. Этот рабочий класс как «воля и представление» (как в названии известного труда Шопенгауэра) не имеет ничего общего с классом в действии, с реально мобилизованной группой, которую упоминает марксистская традиция. Однако класс от этого не является менее реальным, хотя эта реальность магическая и (согласно Дюркгейму и Моссу) определяет институты как социальные фантазии. Как настоящая мистическая корпорация, созданная ценой огромного исторического труда, теоретических и практических изобретений, начатых самим Марксом и беспрерывно воссоздаваемых ценой бесчисленных, постоянно возобновляющихся усилий и самопожертвований, которые необходимы для производства и воспроизводства веры и институтов, ответственных за её воспроизводство, рабочий класс существует в лице и посредством группы его официальных представителей, которые дают ему слово и наглядное присутствие. Он существует в вере в собственное существование, котопространство и генезис «классов» 45 корпусу уполномоченных лиц удаётся внушить посредством одного своего существования и собственных представлений, на основе сходства, объективно объединяющего членов одного «класса на бумаге» в возможную группу. Исторический успех марксистской теории — первой из социальных теорий претендовавшей на научность, если бы она могла полностью

реализоваться в обществе — способствовал тому, что теория социального мира, наименее способная интегрировать собственный теоретический результат, который она развивала более, чем любая другая, — сегодня, без сомнения, представляет наиболее мощное препятствие на пути прогресса адекватной теории социального мира, прогресса, которому марксистская теория в своё время способствовала более, чем любая другая.

Примечания

1 Можно подумать, будто мы уже порвали с субстантивизмом и ввели реляционный способ мышления, когда изучают взаимодействия и реальные обмены на самом деле практическая солидарность, как и практическое соперничество, связанные с прямыми контактами и взаимодействием между агентами, то есть практическим соседством, могут быть препятствием в выстраивании солидарности, основанной на соседстве в теоретическом пространстве).

2 Статистический опрос не может уловить соотношения сил, иначе как в форме собственности как свойства (propriete — фр.), иногда юридически гарантированного через документ, подтверждающий право владения (titres de propriete economique — фр.) — для экономической собственности; диплом и учёное звание (titres scolaires — фр.) — для культурной собственности; дворянский титул (titres de noblesse — фр.) — для социального капитала. Именно это объясняет связь между эмпирическими исследованиями классов и теорией социальной структуры как стратификации, описанной в понятиях отдалённости от средств присвоения («дистанция от центра культурных ценностей», по Хальбваксу); этот язык использовал и Маркс, когда говорил о «массе, лишённой собственности».

3 В некоторых социальных универсумах принципы деления по объёму и структуре капитала, которые детерминируют тельно независимому принципу деления экономических и культурных особенностей, как, например, этническая или религиозная принадлежность. Распределение агентов проявляется в этом случае как результат пересечения двух частично независимых пространств. Так, этническая группа, помещённая в нижней позиции пространства этнических групп, может занимать позиции во всех полях (даже наиболее высоких), но с низкой долей представительства тех, кто находится в верхней позиции этнического пространства. Каждая этническая группа может быть охарактеризована социальными позициями её членов, процентом дисперсии этих позиций и, наконец, степенью её социальной интеграции вопреки дисперсии (этническая солидарность может утверждаться в форме коллективной мобильности).

4 То же самое было бы желательно для отношений между географическим и социальным пространством: эти два пространства никогда полностью не совпадают, однако многие различия, которые связывают обычно с эффектом географического пространства, например противопоставление центра и периферии, являются в действительности дистанцией в социальном пространстве, то есть проистекают из неравенства в распределении различных видов капитала в географическом пространстве.

5 Чувство реальности не включает в себя ни в коей мере сознания класса в психологическом смысле. Это чувство ещё менее ирреально, чем можно приписать данному термину, оно есть эксплицитное представление о занимаемой в социальной структуре позиции и о коллективных интересах, которые с ней коррелируют. Ещё менее ирреальна теория социальных классов, понимаемая не только как система классификации, основанная на эксплицитных принципах и логически контролируемая, но и как точное знание механизмов, ответственных за распределение по классам. Действительно, достаточно рассмотреть экономические и социальные условия, позволяющие ту форму дистанцирования настоящего от практики, которую предполагают понимание и более или менее чётко сформулированное представление о коллективном будущем, чтобы покончить с метафизикой осознания и классового сознания, с неким революционным cogito коллективного сознания от персонифицированной сущности (Это то, о чём я упоминал при анализе отношений между осознанием времени, и в особенности способностью к рациональному экономическому расчёту, и политическим сознанием алжирских рабочих).

6 В этом случае производство здравого смысла заключается в основном в бесконечных новых интерпретациях общего «кладезя» священных выражений (поговорки, пословицы, гномические поэмы и тому подобное), с целью «дать наиболее чистый смысл словам рода (to tribu — фр.)». Усвоить слова, в которых представлено всё то, что признано группой, значит заручиться значительным преимуществом в борьбе за власть. Это очень хорошо видно в борьбе за религиозное влияние: слово, имеющее наибольшую ценность, — священное слово, как отмечает Гершом Шолем. Именно поэтому, чтобы заставить признать себя, нужно возобновлять по традиции мистические споры и перевоплощать религиозное слово в символы. Слова из политической лексики, являясь сутью борьбы, содержат полемику под видом полисемии, которая представляет собой отпечаток антагонистического использования их различными группировками в прошлом и настоящем. Наиболее универсальная стратегия для профессионалов производства символической власти, поэтов в архаических обществах, пророков, политиков заключается, таким образом, в том, чтобы заставить здравый смысл работать на себя, присваивая себе слова, ценностно нагруженные для любой группы, поскольку они выражают её веру.

7 Это очень хорошо показал Лео Шпитцер на примере Дон Кихота, где один и тот же персонаж оказывается наделённым многими именами. Феномен полиномии, то есть множественность имён, прозвищ, кличек, которые принадлежат одному агенту или одной институции, является вместе с полисемией слов или выражений, обозначающих фундаментальные ценности группы, явным отпечатком борьбы за власть номинаций, которая осуществляется в недрах любого социального универсума. См. Spitzer L. Perspectivism in Don Quijote. // Linguistics and Literary History. — New York, Russel and Russel, 1948.

8 Кафка Ф. Процесс. // Кафка Ф. Америка. Процесс. Из дневников. — М., Политиздат, 1991. — с. 386.

9 Словарь профессий есть законченная форма социального нейтралитета, которая стирает внутренние различия социального пространства в единой по форме трактовке любой позиции как профессии ценой непрерывного изменения основания для их определения

(звание, природа деятельности и тому подобное). Когда в англосаксонских странах врачей называют профессионалами, они выхватывают тот факт, что эти агенты определены по их профессии, и это как бы их главный атрибут; напротив, например, прицепщики вагонов очень слабо определены по этому основанию, их описывают просто как. занимающих определённый трудовой пост, а в отношении университетских профессоров определение построено одновременно, как для прицепщиков ва гонов — по задачам и по деятельности, и как для врачей — через звание.

10 Получение профессии, дающей звание, всё более тесно связано с обладанием дипломом определённого типа. Здесь связь между типом диплома и вознаграждением за труд очень тесная в отличие от того, что можно наблюдать в случае профессий, не имеющих званий, когда агенты, выполняющие ту же работу, могут иметь самые разные типы дипломов.

11 Обладатели одного и того же звания стремятся конституироваться в одну социальную группу и обладать постоянной организацией — корпорация врачей, ассоциация бывших соучеников и так далее, задуманной, чтобы утвердить сплочённость группы (с помощью периодических собраний и тому подобное) и осуществлять свои материальные и символические интересы.

12 Наилучшую иллюстрацию к такому анализу можно найти, благодаря замечательным работам Роберта Дарнтона, в ис* тории своего рода культурной революции, которую занимающие подчинённые позиции в недрах становящегося интеллектуального поля — Бриссо, Мерсье, Демолен, Эбер, Марат и другие — совершили в лоне революционного движения (разрушение академий, распад салонов, запрет пансионов, уничтожение привилегий), находя свой принцип в статусе «культурного парии» и направляя свои усилия преимущественно против основополагающих символов власти, а также участвуя средствами «политической порнографии» и нарочито непристойных пасквилей в работе по «делегитимации», которая без сомнения является одним из фундаментальных измерений революционного радикализма. См. Darnton R. The High Enlightenment and the Low-Life of Literature in Prerevolutionary France. // Past and Present. Vol. 51.1971. p. 81–115; в переводе на фр. яз. См. в: Boheme litteraire et revolution, Le monde des livres au XVIII siecle. — Paris: Gallimard, Seuil, 1983. p. 7–41; о Марате, о котором часто не знают, что он был также, или сначала, плохим физиком, см. Gillispie C. C. Science and Polity in France at the End of the Old Regime. Princeton University Press, 1980. — p. 290–330.

13 О сходном анализе связи по типу «представление и воля» между группой родственников «на бумаге» и «практической» группой родственников см. Boiirdieu P. Esquisse d’une theorie de la pratique. Genève: Droz, 1972; Le sens pratique. Paris: Minuit, 1980. на рус. яз.: Бурдьё П. Практический смысл / Пер, с фр. Ответственный редактор, перевод и послесловие Н. А. Шматко. — М., Институт эксперим. социологии. — СПб., Алетея, 2001.) Bourdieu P. Espace social et genese des «classes». // Actes de la recherche en sciences sociales, 1984, № 52–53. — p. 3–14.

Версия #2
Зверобой создал 16 января 2026 20:02:13
Зверобой обновил 18 января 2026 03:58:48